

М. В. Губина
РОЛЬ ВОЙНЫ 1812 ГОДА
В «ЗНАКОМСТВЕ» ФРАНЦУЗОВ С РОССИЕЙ И С РУССКИМИ

О проблематике и источниках исследования

Роль наполеоновской эпохи в развитии представлений европейских народов друг о друге, в частности представлений французов о «другом», все чаще подчеркивается современными исследователями как в России, так и за рубежом. С одной стороны, постоянные войны способствовали продолжительным и массовым контактам тысяч французских солдат и офицеров не только с армиями противников, но и с местным населением. «Вырванный конскрипцией из узкого мирка родной деревни, крестьянский сын смотрел на проходившие перед его взором монотонные равнины Германии, обожженные горы Испании, ледяные степи России; он знакомился с Веной, Берлином и Москвой, Венецией и Мадридом. Ни один путешественник XVIII века не прошел по стольким европейским дорогам, сколько их одолел капитан Куане».¹ С другой стороны, именно рубежом XVIII–XIX вв. датируется новый этап в эмансипации французского солдата: «именно в период революции [1789 года] солдат начинает говорить <...> он сообщает о себе, рассказывает о своих подвигах, приключениях и трудностях, осведомляется о том, что происходит у него дома».² Другими словами, французское гражданское население все более регулярно получает информацию из армии в частном порядке.

Источниковая база данного исследования состоит из двух частей. Во-первых, проанализированы документы личного происхождения, строго современные описываемым событиям, — переписка и дневники французских

участников Великой Армии, — что позволило акцентировать внимание на их представлениях о России конкретно в 1812 г. и проследить их возможную эволюцию в течение этого года, избежав всевозможных поздних наслоений.³ Мы отобрали документы только французских авторов, исключив тексты польских, немецких и других участников русской кампании Наполеона. Все использованные в данной статье французские источники личного происхождения опубликованы.⁴ Мы также учитывали данные, собранные профессором В. Н. Земцовым и аспирантом Института всеобщей истории РАН Н. В. Промысловым, которые осуществили анализ переписки, перехваченной в 1812 г. и хранящейся в неопубликованном виде в московских архивах.⁵

Во-вторых, мы изучили полный комплект изданных в 1812 г. бюллетеней Великой Армии. Всего в период между 20 июня и 3 декабря появилось 29 выпусков, из которых 5 было опубликовано после 15 октября (дата отбытия Наполеона из Москвы)⁶ и по 1 документу вышло в ноябре и декабре 1812 г.⁷ Для данной работы мы использовали два издания бюллетеней — одно конца 1812 г. или 1813 г., а другое — самое последнее современное научно подготовленное издание.⁸ «Бюллетени Великой Армии оказы-

¹ Tulard J. Préface // Tulard J. Nouvelle bibliographie critique des mémoires sur l'époque napoléonienne écrits ou traduits en français. Genève; Droz, 1991. P. 7. Капитан Куане (Jean-Roch Coignet, 1776–1865?) стал одним из самых известных участников наполеоновских походов, в частности благодаря своим богатым воспоминаниям (Les cahiers du capitaine Coignet).

² Masson F. Introduction // Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / publ. par S. E. M. Goriainow; annot. par L. Hennet; le commandant E. Martin. Paris, 1913. P. VII–VIII.

³ Мы исключаем из данного исследования анализ позднее обработанных мемуаров, даже если они были написаны французскими современниками по материалам их собственных дневников и заметок. Записки французских военнопленных, оставшихся в течение некоторого времени на территории России после войны, также не будут учтены в рамках данного исследования. «Узнавание» страны военнопленными является общеизвестным явлением, тогда как нам бы хотелось проследить процесс «знакомства» с противником, происходивший непосредственно во время военных действий, тем более что исторический опыт войн XIX в. позволяет исследовать подобную проблематику.

⁴ Lettres interceptées... Публикации дневников будут указаны по мере цитирования.

⁵ См.: Земцов В. Н. Наполеон в Москве // Французский ежегодник. М., 2006. С. 199–218: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Zemtsov-2006.html>; Промыслов Н. В. Война 1812 года в письмах французских солдат // Там же: http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Promyslov-2006.html#_ftn3.

⁶ Даты приведены по новому стилю.

⁷ Как известно, Наполеон принимал непосредственное участие в составлении бюллетеней, но мы будем использовать нейтральную формулировку «авторы Бюллетеня».

⁸ Pièces officielles et bulletins de la Grande Armée. Année 1812 (Extrait du journal officiel). Paris, [1812 или 1813]; Bulletins de la Grande-Armée. Campagne de Russie. 1812. Paris, 1997. 158 p.

Губина Майя Викторовна — PhD, внештатный преподаватель Университета Пари-Эст Кретэй, библиотечка Межуниверситетской библиотеки Сорбонны (г. Париж, Франция)
 E-mail: mgoubina@gmail.com

вали значительное влияние на складывание общественного мнения, хотя бы потому, что рассылались даже в школы самых удаленных деревень»;⁹ кроме того, «их зачитывали в лицах, в церквях, в театрах».¹⁰ Таким образом, содержание главного пропагандистского листка императорского режима доводилось до сознания даже неграмотных французов.

*Материальные условия
военной кампании 1812 г.*

Климат. Погодные условия играли значимую роль в разворачивании военных событий с самого начала кампании (и ноябрьские морозы стали всего лишь апогеем, а не единственным проявлением данного феномена), в чем вынуждено было признаться в завалуированной форме само командование Великой Армии.¹¹ Так, Пятый бюллетень сообщает современникам о резкой смене погоды вскоре после начала похода и о последствиях этого обстоятельства. «В течение 36 часов лил, не переставая, ливень. После исключительной жары наступил довольно сильный холод. Несколько тысяч лошадей погибло от этого резкого перепада [температур]. Артиллерийские подводы завязли в грязи. Эта ужаснейшая гроза, утомившая и людей и лошадей, задержала наше продвижение».¹² Конечно, здесь, как и в других цитируемых ниже отрывках, авторы бюллетеня пытаются в первую очередь оправдать непредвиденные задержки в «победном» шествии Великой Армии. Однако мы будем концентрировать наше внимание на анализе сообщаемых сведений о русских реалиях, а не на целях, преследуемых авторами «рупора» наполеоновской пропаганды. Источники личного происхождения свидетельствуют, в свою очередь, о том, что погодные условия оказывали важное влияние на состояние духа

французских солдат в течение всей затянувшейся и непредсказуемо развивавшейся кампании.¹³

Провиант и фураж. «Недостаток провианта и особенно фуража начал сказываться уже в начале кампании... а, судя по письмам, в некоторых частях даже накануне ее».¹⁴ И в этом вопросе Бюллетени преследуют пропагандистские цели: трудности замалчиваются, а вместо объективной информации сообщаются данные о якобы прибывающих в армию новых обозах и о регулярно отбиваемых у русских складах с провизией. В своем стремлении создать возможно более благоприятную картину авторы бюллетеней даже добавляют информацию... об особенностях сельского хозяйства русской деревни, причем, будучи «связанными» своими пропагандистскими целями (убедить общественность в важности новых «завоеваний»), делают это в достаточно мирных, положительных и, что самое замечательное, правдивых тонах. «За последние 40 лет в сельском хозяйстве этой страны заметен большой прогресс. Она более совершенно не похожа на те описания, которые мы о ней имеем. ...овощей... здесь очень много, амбары полны. Здесь наступила осень и стоит такая же погода, какая у нас во Франции бывает в начале октября».¹⁵ Обратим внимание на то, что, заявляя о несостоятельности известных во Франции «описаний» России, авторы бюллетеня фактически подчеркивают свою «просветительскую» роль.

О стране

Трудности маршей, русские дороги и пейзажи. Французские письма и дневники свидетельствуют о том, что их авторы страдали также и от длительных форсированных переходов. «Мы одолели большую дистанцию за очень короткий срок»¹⁶ — подобные констатации с более или менее выраженными жалобами по этому поводу встречаются очень часто.¹⁷ Таким

⁹ Corbet C. A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe. (1799–1894). Paris, 1967. P. 64, ret. 1.

¹⁰ Fierro A., Palluel-Guillard A., Tulard J. Histoire et dictionnaire du Consulat et de l'Empire. Paris, 1995. P. 575.

¹¹ С одной стороны, несостоятельность утверждения французской историографии о решающей роли «генерала Мороза» в исходе войны 1812 г. давно не требует дополнительных обоснований и уже признана современными французскими исследователями. См., например: Rey M.-P. Alexandre Ier. Paris, 2009. P. 303 (перевод этого крупного исследования готовится в настоящее время в московском издательстве «Росспэн»). С другой стороны, представляется излишним подчеркнуть, что, вопреки мощи мобилизованных сил и гениальности и опытности полководца, следы уязвимости Великой Армии от погодных условий просматриваются во французских источниках с самого начала кампании.

¹² Cinquième bulletin de la Grande Armée, Wilna, le 6 juillet 1812 // Pièces... P. 79.

¹³ См. подробнее об этом Goubina M. La perception réciproque des Français et des Russes d'après la littérature, la presse et les Archives (1812–1827). Paris, 2007. P. 42: http://www.theses.paris4.sorbonne.fr/these_goubina/paris4/2007/these_goubina/html/index-frames.html.

¹⁴ Промыслов Н. В. Указ. соч.

¹⁵ Dix-Septième bulletin de la Grande Armée, Ghjat [Gjatsk], le 3 septembre // Pièces... P. 209.

¹⁶ «Paris [...], sous-lieutenant au 12e régiment de ligne, 3e division, 1er corps, à sa mère, Mme veuve Paris, rue Michel-le-Comte, N° 38, Paris, Moscou, le 18 septembre 1812» // Lettres interceptées... P. 16.

¹⁷ А для многих участников похода форсированные марши начались задолго до его начала: отдельные части армии были перебросены к западным границам Российской Империи из Испании и Италии.

образом, участникам похода приходится на собственном опыте убедиться в достоверности (и сообщить об этом на родину) общеизвестного представления о необозримых просторах Российской Империи. Образ дороги — неотъемлемый элемент записок всех путешественников — в военных записках становится к тому же своеобразным барометром состояния духа авторов.¹⁸

Однако письмам и дневникам французских военных свойственна одна интересная и неожиданная особенность. Несмотря на тяготы бесконечного продвижения в глубь необозримой России, французы описывают необычную для их глаз красоту русских дорог! Примечательно, что описание ужасов Бородинского сражения сменяется в письме Ж. Брео дэ Марло картиной мирной красоты дороги, по которой автор и его товарищи подъехали к Москве. «Вернемся на московскую дорогу, которая является шедевром искусства. На ней могут уместиться одновременно 10 повозок. С каждой стороны ее обрамляют по два ряда очень высоких деревьев, между которыми есть тропинка для пешеходов. Эти деревья очень похожи на плакучие ивы; летом их приветливая тень защищает от сильной жары, а зимой, когда снег заполняет часто встречающиеся овраги и когда небо не отличишь от поверхности земли, они указывают дорогу».¹⁹

Тактические и стратегические интересы заставляли военных обращать внимание не только на качество и состояние дорог, но и на рельеф местности, количество хлебов в полях и т. п. Интересно, однако, что французские военные регулярно демонстрируют свою способность воспринимать красоту российских пейзажей. «Красивая холмистая местность, везде — деревни и плодородные поля <...> Красивое озеро».²⁰

В интересах успокоения как военных, так и их родственников, оставшихся дома, авторы бюллетеней также не забывают напомнить

о плодородии российских полей, а что касается форсированных маршей, то чаще всего эта тема отражается в завуалированном виде через описание географии Российской Империи. Конечно, авторы руководствовались чисто пропагандистскими целями — требовалось создать представление о новых значительных «завоеваниях» Французской Империи — но стоит обратить внимание на то, что в конечном счете определенное количество информации о географии и устройстве русских земель (названия городов и т. д.) доводилось до сознания практически всех французов. По сравнению с прошлым, когда о России слышали, читали и писали лишь представители узкого слоя интеллектуалов, даже отдельные неточные сведения (город Гжат вместо Гжатск и т. д.) позволяют сделать выводы о важности этих источников для распространения представлений о России во Франции. «Наша армия направляется со всех сторон на [речку] Улу. Эта речка соединяется каналом с Березиной, которая, в свою очередь, впадает в Борисфен; таким образом, мы контролируем [водное] сообщение между Балтийским и Черным морями».²¹ Откуда жители какой-нибудь французской деревни или даже небольшого провинциального города могли почерпнуть сведения о «сообщении между Балтийским и Черным морями», о связи реки Волги с Каспийским морем? Нельзя, конечно, серьезно рассчитывать на то, что французы «запоминали» подобные подробности, тем более, что, как известно, внимание аудитории чаще всего обратно пропорционально официальности (и настойчивости предьявления) доводимой до ее сведения информации, да и к 1812 г. гражданское население Франции уже порядком устало от постоянных войн и все более желало мира. Однако сам факт кажется все же вполне примечательным.

Города и деревни. Восприятие французами культовых сооружений. Все в тех же пропагандистских целях авторы бюллетеней приводят достаточно подробные описания русских городов. «Вильно насчитывает от 25 до 30 тысяч душ, в нем находится большое количество монастырей и красивых зданий».²² Сообщается информация о превалирующем в том или ином городе производстве (в Гжатске — по-

¹⁸ См.: Goubina M. «La route dans les notes de voyage des Français et des Russes au début du XIXe siècle : aspect du paysage ou illustration du «chemin» de la pensée?» // Cahiers Slaves. 2008. N° 10. P. 73–88: www.recherches-slaves.paris4.sorbonne.fr/Cahier10/05_%20M.Goubina.doc.

¹⁹ Bréaut des Marlots J. Lettre d'un capitaine de cuirassiers sur la campagne de Russie // Bréaut J. Lettre d'un capitaine de cuirassiers sur la campagne de Russie; Denniée P.-P. Itinéraire de l'empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. Paris, 1997. P. 6. И это далеко не единственное свидетельство такого рода.

²⁰ Tascher M. de. Journal de campagne d'un cousin de l'Impératrice (1806–1813). Paris, 1933. P. 306.

²¹ Huitième bulletin de la Grande Armée, Gloubokoé, le 22 juillet // Pièces... P. 113.

²² Quatrième bulletin de la Grande Armée, Wilna, le 30 juin 1812 // Ibid. P. 71.

лотняное дело, в Туле — оружейное), а также подчеркивается значение населенных пунктов. Так, Смоленск описывается как «мощный город» и «бульвар», ведущий в Москву и Россию, а его «собор — это одна из самых известных греческих церквей России. Епископский дворец является почти городом в городе».²³

Описания инфраструктуры русских деревень и городов, их архитектуры, элементов внутреннего и внешнего декора публичных и частных строений фигурируют также в документах личного происхождения. Чаще всего французы констатируют «нецивилизованность» традиционного русского деревенского жилища и критикуют наличие деревянных построек в городах. Однако критика (более или менее обоснованная) одних авторов перемежается с более продуманными размышлениями других. Так, некоторые признают функциональность русской избы, а кто-то замечает привлекательные элементы декора. «Красота деревень <...> деревянные кружевные украшения [на избах]».²⁴ Наконец, французы отмечают контраст между дворянскими усадьбами и жилищами простолюдинов.

Особо привлекает внимание авторов писем и дневников культовая архитектура. «Если подъезжать к Вильно по северной дороге, то перед нашим взором предстает восхитительный вид многочисленных колоколен, чьи остроконечные крыши угрожают небу».²⁵ Описания церквей и соборов, их внешнего и внутреннего убранства (колокольни, алтари, иконы, распятия) отражают эстетический интерес французов к малознакомой им архитектуре. Таким образом, записки участников войны 1812 г. не только вписываются в историю эволюции восприятия французов России, но и, более того, являются не открытыми нашими предшественниками важным ее этапом.²⁶ Исследователи подчеркивают, что русская культовая архитектура

привлекла внимание французских путешественников позже, чем многие другие русские реалии. «Надо ждать XIX века», когда развитие и обогащение эстетического опыта «позволит французам открыть для себя православное религиозное искусство».²⁷ Наше исследование позволяет сделать вывод о том, что это открытие произошло в специфических условиях наполеоновского нашествия, которые, казалось бы, мало к нему предрасполагали... Но, может быть, более близкое «знакомство» французов с русской культовой архитектурой, отразившееся в исключительно частых упоминаниях участниками кампании 1812 г. русских церквей, произошло даже *благодаря* военным условиям? Церкви были неотъемлемым элементом сельской и городской инфраструктуры, тогда как в деревнях они отсутствовали. В контексте все более изматывающей кампании, составляющими которой были бесконечные марши в расчете настичь постоянно отступающего противника, уход из населенных пунктов гражданского населения и тактика «выжженной земли», появление на горизонте колоколен означало приближение к более важному населенному пункту и могло воскрешать надежды французских военных на возможный отдых...²⁸

Москва. Важное место, которое занимает образ второй российской столицы во французских источниках, лишней раз подтверждает, что пребывание в Москве стало кульминационным моментом не только в развитии военного аспекта наполеоновской русской кампании, но и в эволюции состояния духа французских военных.²⁹ Все намеченные тенденции восприятия русской действительности находят отражение в текстах, датированных «московским периодом».

Во-первых, утомленные бесконечным продвижением внутрь России, французы решили,

²³ Treizième bulletin de la Grande Armée, Smolensk, le 21 août // Ibid. P. 171.

²⁴ Tascher M. de. Op. cit. P. 306, 311.

²⁵ Pils F. Journal de marche du grenadier Pils (1804–1814), illustrations d'après les dessins originaux de Pils. Paris, 1895. P. 128.

²⁶ Наши выводы соответствуют наблюдениям Н. Петито, которая исследовала записки наполеоновских солдат и офицеров, посвященные разным кампаниям (русской, испанской и т. д.). Исследовательница делает обобщающий вывод о том, что писательское творчество «авторов мемуаров и корреспонденции эпохи Империи» стало переходным этапом в эволюции манеры европейцев вести наблюдение в посещаемых странах. См.: *Voyager en Europe de Humboldt à Stendhal. Contraintes nationales et tentations cosmopolites. 1790–1840.* [Paris], 2007. P. 362.

²⁷ Mervaud M. La Russie vue par les voyageurs français du XVIe et du XVIIe siècles // Mervaud M. Une infinie brutalité : l'image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles. Paris, 1991. P. 65.

²⁸ Мы благодарим преподавателя кафедры Отечественной истории XIX — начала XX веков исторического факультета МГУ А. П. Шевырева, нашего учителя и научного руководителя, который подсказал нам возможность данной трактовки изложенных фактов и наблюдений. Подтверждения справедливости данной гипотезы были найдены в записках участников Испанской войны (1807–1814 гг.), о чем идет речь в нашей статье «Образы противников в восприятии покорителей Европы (1805–1812)», подготовленной к публикации в будущем номере Французского Ежегодника.

²⁹ См.: Земцов В. Н. Указ соч. О роли этого момента в эволюции самовосприятия французов см. также: Goubina M. La perception réciproque des Français... P. 56–62.

что со вступлением в Москву наступит желанный конец кампании и «окончание их страданий».³⁰ Авторы бюллетеней только поддерживали данные настроения, воспроизводя картину крупного и богатого города. «Москва — это такой же большой город, как и Париж. Это исключительно богатый город, в котором находятся дворцы всех первых лиц Империи. <...> Москва, один из самых красивых и богатых городов в мире, больше не существует».³¹ Конец цитаты свидетельствует о том, что немедленно последовавший после вступления Наполеона в Москву пожар не позволил официальной пропаганде развить «радужный» образ очередного наполеоновского «завоевания»...

Во-вторых, преодолевая ужас, непонимание и изумление, вызванные зрелищем московского пожара, французские военные продолжают достаточно подробно описывать город или, вернее, то, что от него осталось. Эти описания позволяют нам зафиксировать еще более ценную информацию об уже существовавших представлениях о Москве, а также процесс переосмысления стереотипов, вызванный столкновением с реальностью. «При вступлении в Москву чувство удивления смешалось у меня с восхищением, так как я ожидал увидеть деревянный город, как многие мне о том говорили, однако, почти все дома [в Москве] — кирпичные, а архитектура — самая элегантная и самая современная».³²

Особенное развитие получает тема дворцов и особняков, которая фигурирует в некоторых источниках и ранее. Количество дворянских особняков, их убранство и содержащиеся в них богатства — мебель, картины, вина, библиотеки — регулярно и подробно описываются.³³ Авторы бюллетеней Великой Армии также сообщают своей аудитории о «древней цитадели, существующей с момента появления монархии»,³⁴ и о царских и вельможных дворцах, ее украшавших.

³⁰ Bréaut des Marlots J. Op. cit. P. 8.

³¹ Dix-neuvième bulletin de la Grande Armée, Moscou, le 16 septembre // Pièces... P. 231, 232.

³² [Lettre de] Prosper [...], garde magasin des vivres, à son beau-père, Moscou, le 15 octobre 1812 // Lettres interceptées... P. 148.

³³ См.: Journal du maréchal de Castellane (1804–1862): 5 t. Paris, 1895–1897. Т. 1. P. 156, 159, 160, 167; Pion des Loches A. Mes campagnes (1792–1815), notes et correspondance. Paris, 1889. P. 298, 299, 304, 306; Bréaut des Marlots J. Op. cit. P. 8. См. также данные из неопубликованной переписки французов: Земцов В. Н. Указ. соч.

³⁴ Vingt-sixième bulletin de la Grande Armée, Borowsk, le 23 octobre // Pièces... P. 339.

Французы «не забывают» культовую архитектуру и, вероятно, «списывают» информацию о количестве московских храмов из бюллетеней: «[В Москве] насчитывается 1600 колоколен, одни других великолепнее».³⁵ Укажем для сравнения, что мифическое число 1600 фигурирует в Двадцатом бюллетене, датированном 17 сентября.³⁶ Подчеркнем этот очередной пример активного «участия» наполеоновской пропаганды в распространении если не точных данных о России, то, по крайней мере, информации о русском мире в его культурологическом аспекте, что не менее важно, чем конкретные и точные факты.

Французские военные стараются воспроизвести особенности структуры города и его исторического центра — Кремля. «Кремль сохранился, он находится в центре города и был построен Петром I. <...> Он окружен крепостной стеной с башнями. В нем находятся царский дворец с красивой приемной залой... церковь Святого Михаила, башня Ивана и знаменитый колокол, осевший в землю. <...> Вторая часть города, называвшаяся Китай-городом... и в которой находились Типография, Биржа... вся сгорела. Третья часть города называется Белым городом... Четвертая часть — это Земляной город... Город [Москва] имеет в окружности 40 верст (10 лье)».³⁷ Некоторые фактологические ошибки несколько не снижают, на наш взгляд, ценность этого свидетельства, которая была бы еще выше, если бы письмо дошло до адресата во Франции.

О русском народе

Разные культуры. С самого начала кампании постоянное отступление русской армии и ее уклонение от серьезного сражения привлекают внимание французских военных. Авторы бюллетеня спешат воспользоваться ситуацией, чтобы всех убедить в «победном» продвижении Великой Армии. Однако русские продолжали упрямо отступать, уничтожая военные и продовольственные запасы на оставляемых территориях. И французы начинают выска-

³⁵ [Lettre de] Paradis [...] à Mlle Geneviève Bonnegrâce, à Ollioules, dép[artemen]t du Var. Moscou, le 20 septembre [1812] // Lettres interceptées... P. 22.

³⁶ См.: Vingtième bulletin de la Grande Armée, Moscou, le 17 septembre // Pièces... P. 234. В 1-й главе нашей диссертации особое внимание было уделено текстовым параллелям между двумя типами исследованных источников (документы личного происхождения и бюллетени Великой Армии).

³⁷ [Lettre de] Prosper [...], garde magasin des vivres, à son beau-père, Moscou, le 15 octobre 1812 // Lettres interceptées... P. 149.

зывать недоумение по поводу тактики противника, что просматривается даже в текстах официальных бюллетеней. «Если в настоящем положении вещей русская армия надеялась иметь хоть какой-то шанс на победу, ей стоило бы сразиться за Вильно. Да и в любой стране и, особенно, в той, где мы сейчас находимся, сохранность тройной линии магазинов должна была бы убедить [любого] генерала принять риск сражения».³⁸

Сначала французы выражают надежду на то, что тактика русских нанесет прежде всего им самим кроме явного материального ущерба, еще и моральный урон. «Это поспешное отступление, при котором русские сожгли несколько магазинов ржи и фуража, похоже на бегство и обязательно вызовет спад боевого настроения в войске и потерю веры в себя, которые так необходимы в начале любой кампании».³⁹ Однако противник упорно не изменял тактику, а политика «выжженной земли» стала применяться и гражданским населением, большинство которого спасалось бегством при приближении неприятеля. И даже упоминания о якобы технической отсталости русской армии практически «теряются» на фоне неведомой для французов ситуации. «На рассвете 28 [июня] русские [войска] отступили по всей линии фронта... они сожгли деревянный мост Вильно и зажгли огромные магазины, цена которых должна достигать нескольких миллионов рублей... Большое количество военных снарядов, а также оружия, которого в России в целом не хватает, было уничтожено».⁴⁰

Документы личного происхождения позволяют проследить эволюцию настроений французских военных и констатировать, что под угрозой в конце концов оказывается моральное состояние не русских, а французов, которые не способны ни понять поведение противника, ни найти ему адекватный ответ. «Русские совершенно потеряли голову, и мы не можем понять, как они в своем ослеплении могли решиться на самоличное подрывание основ своей империи».⁴¹ Кроме того, французы были совершенно дезориентированы, так как война велась не по европейским канонам. «После хозя-

ек почтовых станций в Польше мы [больше] не встретили ни одной женщины, зато мы теперь большие специалисты по пожарам».⁴² А бюллетени подчеркивают усилия, предпринятые... самими французами (!) по спасению магазинов с провиантом и фуражом. «Генералу Рикару... посчастливилось (а eu le bonheur! — М. Г.) спасти магазины».⁴³ Конечно, Великая Армия в первую очередь сама была заинтересована в сохранении запасов (и в приукрашивании собственной роли «носительницы прогресса»), но подобная информация становится иллюстрацией коренной разницы мировосприятия нападавших и оборонявшихся и нестандартности сложившейся ситуации, в которой атакующая армия была вынуждена «заботиться» о ресурсах атакованного противника.⁴⁴

Наконец, последним и неоспоримым доказательством этой разницы явилось сдача и поджог древних и «святых» русских городов — Смоленска и Москвы. «Пожар русской столицы окончательно развеял иллюзии солдат Великой армии в отношении “русской цивилизации”».⁴⁵

История, культура, люди. На фоне столкновения двух менталитетов все остальные черты русского народа неизбежно являются вторичными, тем более что тактика русских резко ограничила возможности для «знакомства». Необходимо, однако, остановиться на нескольких примечательных аспектах этого вопроса.

Во-первых, во французских источниках идет речь о русской армии. Подчеркнем, однако, что негативные характеристики (отступление без боя, мародерство) соседствуют со свидетельствами о храбрости и твердости русских. «Русские защищали свою позицию шаг за шагом; один полностью отрезанный отряд сражался до последнего момента».⁴⁶ Французы не обходят, конечно, молчанием казачьи и другие нерегулярные части армии. Однако их образ чаще всего остается в рамках уже

³⁸ Quatrième bulletin de la Grande Armée, Wilna, le 30 juin 1812. P. 73.

³⁹ Bonnéry J.-L. Ledru des Essarts — Un grand patriote sarthois méconnu: la vie de ce soldat courageux qui n'aimait que la paix. Le Mans, 1988. P. 82.

⁴⁰ Quatrième bulletin de la Grande Armée, Wilna, le 30 juin 1812. P. 69.

⁴¹ Ledru des Essarts F. R. Op. cit. P. 83.

⁴² [Lettre de] H. Beyle à la comtesse Daru, Moscou, le 16 octobre [1812] // Lettres interceptées... P. 160.

⁴³ Septième bulletin de la Grande Armée, Wilna, le 16 juillet // Pièces... P. 96. Множество подобных сведений содержится в бюллетенях.

⁴⁴ См. также о тушении французами московского пожара: Искюль С. Н. 1812 год. Документальная хроника. СПб., 2008. С. 205.

⁴⁵ Земцов В. Н. Указ соч. В своей статье В. Н. Земцов дает исчерпывающую картину московских событий и их восприятия французами, и мы позволим себе отослать к ней читателя.

⁴⁶ Rapport du maréchal duc de Tarente, Jacobstadt, le 22 juillet // Pièces... P. 158. Подобные сведения содержатся также в письмах и дневниках.

известного стереотипа, состоявшего из трех основных и, кстати, достаточно достоверных элементов (атака большим количеством воинских подразделений, действия против арьергардов, «дикость» внешнего вида). Кроме того, в источниках присутствуют неизбежные упоминания о грабежах. Однако ни бюллетень, ни сами военные (даже во время отступления) не добавляют к этому образу существенно новых, более жутких и неправдоподобных элементов.⁴⁷ Отметим интересную параллель между стилями поведения казаков и арабов, приведенную в Двадцать третьем и Двадцать восьмом бюллетенях: Наполеон «подсказывает» историкам, что его кипучую военно-политическую деятельность можно и необходимо изучать с точки зрения «встречи культур»!

Во-вторых, бюллетени повторяют основные стереотипы, сложившиеся о русском народе, подчеркивая его крепостное состояние, набожность, невежество. Французские же военные разочарованы отсутствием возможности «познакомиться» с гражданским населением. Если в самых западных провинциях они видели евреев и поляков, то по мере удаления от границ встречи с мирным населением становятся все реже и реже. Французам остается лишь описывать пустые жилища «исчезнувшего» мирного населения. «Я остановился у аббата или попа... Судя по мебели и картинам, он должен быть галантен и образован; он очень неправ, что сбежал».⁴⁸ Брео дэ Марло выпадает удача оказаться в доме, обитатели которого не сбежали да к тому же еще владели французским языком. И кирасирский капитан просит их рассказать ему немного о... русских обычаях и традициях!⁴⁹ Удивительное свидетельство того, что участник событий осознавал возможность восприятия войны как знакомства с «другим»...

Наконец, надо сказать о том, что во французских источниках встречаются отрывочные сведения о русской истории. Бюллетени, например, упоминают экспансионистскую по-

литику России по отношению к Польше, а в свидетельстве о грабеже Кремля можно также найти информацию о русско-турецких войнах. «В Кремле были найдены многочисленные украшения, служившие во время коронаций императоров, а также все знамена, отвоеванные у турков за [последние] сто лет».⁵⁰ Офицер Фарэ также говорит в своих письмах домой о войнах России с Польшей и Турцией, а Претэ упоминает еще и русско-шведский конфликт.⁵¹ В приведенной выше цитате примечательной представляется информация о коронации русских императоров в московском Кремле, которая вряд ли была известна широкому кругу французских современников. Кроме того, сообщаются и другие факты из русской истории например, о том, что «самые лучшие земли были отданы Екатериной Зубовым и крестьяне [этих земель] из свободных превратились в рабов».⁵²

Заключение

Итак, война 1812 г. сыграла важную роль в качественном и количественном развитии и распространении представлений о России и русских во Франции начала XIX в.

С одной стороны, «поход Наполеона в Россию дал уникальную возможность сотням тысяч французов непосредственно соприкоснуться с реалиями этой страны»,⁵³ многие из которых ранее не были известны или были знакомы только избранным представителям интеллектуальной элиты, да и то часто в идеологически извращенной форме. В течение нескольких месяцев многочисленные представители французского общества (от солдат до маршалов) могли наблюдать и описывать климат России, ее географические условия, особенности хозяйствования и урбанистики, стиль и уровень жизни разных слоев общества.⁵⁴ И, что еще более важно, в ходе военной кампании французам довелось наблюдать черты национального характера русских — то, что так редко удается увидеть мирным путешественникам. Действительно, в 1812 г. французы

⁴⁷ Это произойдет в 1814 г., когда образ казака-людоеда будет активно использоваться не только в текстах сторонников отрекшегося императора, но и, что особенно примечательно, в пропагандистских листовках, вышедших из-под пера роялистов, так часто изображаемых в историографии почти «про-русской партией» французского общества. См. подробнее: Goubina M. La perception réciproque des Français... P. 259–261, 292.

⁴⁸ Ledru des Essarts F. R. Op. cit. P. 83. Судя по описанию, речь идет о доме какого-то достаточно высокопоставленного церковного иерарха.

⁴⁹ См.: Bréaut des Marlots J. Op. cit. P. 8.

⁵⁰ Vingt-deuxième bulletin de la Grande Armée, Moscou, le 27 septembre // Pièces... P. 275.

⁵¹ См.: Faré C. A. Lettres d'un jeune officier à sa mère, 1803–1814. Paris, 1889. P. 263; Prétet J. Relation de la campagne de Russie (1812–1813) par un témoin oculaire. Dijon, 1893. P. 12.

⁵² Septième bulletin de la Grande Armée, Wilna le 16 juillet. P. 95, 96.

⁵³ Промыслов Н. В. Указ. соч.

⁵⁴ Кроме того, военнопленные, чьи записки и воспоминания не были проанализированы в рамках данной статьи, имели возможность еще более детально «познакомиться» с Россией и русским народом.

оказались лицом к лицу не столько с русским солдатом и с русским мирным населением, сколько с русским менталитетом, русской системой ценностей и русским мировоззрением. Завоеватели были вынуждены осознать и признать как в частном порядке, так и на официальном уровне тот факт, что русские превратили войну в столкновение «разных культур, разных базовых ценностей»⁵⁵...

С другой стороны, благодаря размаху наполеоновской деятельности информация о русских реалиях достигала сознания самых широких слоев гражданского населения Франции. Участники русской кампании сообщали в своих письмах личные впечатления, а те кто выжил, делились ими, вернувшись домой. Кроме того, французская пропаганда не только не использовала эту войну для очернения образа России и русских, но и регулярно сообщала о них самую разнообразную информацию.⁵⁶ Со страниц Бюллетеня Великой Армии перед

взором его широкой аудитории вставал образ большого и достаточно богатого государства с развитой европейско-азиатской культурой, населенного народом, упрямо не желавшим подчиниться воле завоевателей и выбравшим крайние — «варварские» — методы обороны. Во-первых, этот образ кажется вполне достойным.⁵⁷ Во-вторых, он позволяет еще раз задуматься над вопросом, насколько определение «варварский», данное французами русскому народу, включало в себя осознание отличия русских, восприятие их как «других», незнакомых и не соотносящих свои действия со знакомой — европейской — шкалой ценностей. И, в-третьих, анализ выпусков Бюллетеня Великой Армии за 1812 г. позволяет подтвердить выводы исследователей об общей эволюции Бюллетеня,⁵⁸ а также констатировать необходимость рассмотрения деятельности органов пропаганды в рамках изучения представлений народов друг о друге и о самих себе.

Ключевые слова: *Наполеон, Великая Армия, русская кампания, Отечественная война 1812 года, пропаганда, Бюллетень Великой Армии, письма, дневники, стереотипы, представления*

Maya V. Gubina

PhD, Professor, University of Paris-Est Kretey,
Intercollegiate Library Sorbonne (France, Paris)
E-mail: mgoubina@gmail.com

ROLE OF THE WAR OF 1812 IN THE “INTRODUCTION” OF THE FRENCH TO RUSSIA AND THE RUSSIANS

The war of 1812 played an important role in the evolution of ideas about Russia and the Russians in France. Numerous representatives of French society (from soldiers to marshals) got a first hand experience of Russia, whereas the civilian population received regular information from the army both on the private and the public levels, including from the periodic bulletins of the Great Army.

Key words: *Napoleon, Grand Army, the Russian campaign, The Patriotic war of 1812, propaganda, Bulletin of the Grand Army, letters, diaries, stereotypes, representations*

⁵⁵ Земцов В. Н. Указ соч.

⁵⁶ Наш анализ появившихся в 1805–1813 годах бюллетеней позволяет констатировать, что образы других противников были в них намного менее подробно разработаны. См.: Goubina M. Les bulletins de l'armée napoléonienne (1805–1812) et le problème épistémologique de la constitution de l'image de la Russie: <http://www.ens-lsh.fr/labo/CID/russe/lj-goubina.htm>. Такое «внимание» рупора наполеоновской пропаганды к России лишней раз свидетельствует о нехватке во Франции информации о «северной империи».

⁵⁷ Напомним, что в 1812 г. многие русские патриоты сами предпочитали быть «варварами», противопоставляя себя носителям Просвещения, среди которых одни (французы) оказались обычными завоевателями, а другие (подчинившиеся наполеоновской власти европейцы) — малодушными или неспособными к собственной защите народами. Наконец, Ф. В. Ростопчин в своих афишках вообще превозносил русское «варварство» как залог победы над французами. См. подробнее о русском самосознании в 1812 г. Goubina M. La perception réciproque des Français... P. 164, 165, 167, 169, 177–181.

⁵⁸ «Тексты Бюллетеней становятся все более описательными» (Tomiche N. Napoléon écrivain. Paris, 1952 P. 204).

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- Bonnéry J.-L. Le Mans. 1988, 95 p. (in French).
- Bulletins de la Grande-Armée. Campagne de Russie. 1812* (Bulletins of the Grand Army. Russian campaign. 1812). Paris: La Vouivre, 1997, 158 p. (in French).
- Corbet C. Paris: Didier, 1967, 489 p. (in French).
- Denniée P.-P. Paris: La Vouivre, 1997, 106 p. (in French).
- Faré C. A. Paris: C. Delagrave, 1889, 365 p. (in French).
- Fierro A., Palluel-Guillard A., Tulard J. Paris, 1995, 1349 p. (in French).
- Goubina M. *Cahiers Slaves* (Notebooks Slavs), 2008, N°10. pp. 73–88. (in French).
- Goubina M. Paris: Université Paris IV, 2007, p. 427. (in French).
- Iskyul' S. N. Sankt-Peterburg: LIK, 2008, 344 p. (in Russ.).
- Journal du maréchal de Castellane (1804–1862)* (Newspaper of the marshal of Castellane. 1804–1862). Plon, 1895–1897, Vol. 1. (in French).
- Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812* (Letters intercepted by the Russians during the 1812 campaign). Paris: La Sabretache, 1913, 440 p. (in French).
- Mervaud M. Paris: IES, 1991, 171 p. (in French).
- Pièces officielles et bulletins de la Grande Armée. Année 1812 (Extrait du journal officiel)* (Official documents and bulletins of the Grand Army. 1812 (Extract of the official journal)) Paris: De l'imprimerie de H. Agasse, 1812 or 1813. (in French).
- Pils F. Paris: P. Ollendorff, 1895, 356 p. (in French).
- Pion des Loches A. Paris: Firmin-Didot, 1889, 520 p. (in French).
- Prétet J. Dijon: Imp. Darantiere, 1893, 37 p. (in French).
- Promyslov N. V. *Frantsuzskiy ezhegodnik (French Yearbook)*. Moscow. 2006. Available at: http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Promyslov-2006.html#_ftn3 (in Russ.).
- Rey M.-P. Paris: Flammarion, 2009, 593 p. (in French).
- Tascher M. de. Paris: Plon, 1933, 324 p. (in French).
- Tomiche N. Paris: A. Colin, 1952, 348 p. (in French).
- Tulard J. Genève: Librairie Droz SA, 1991, 312 p. (in German).
- Voyager en Europe de Humboldt à Stendhal. Contraintes nationales et tentations cosmopolites. 1790–1840* (Travel in Europe of Humboldt to Stendhal. National pressures and cosmopolitan temptations. 1790–1840). Paris: Nouveau Monde Editions, 2007, 546 p. (in French).
- Zemtsov V. N. *Frantsuzskiy ezhegodnik (French Yearbook)*. Moscow, 2006, pp. 199–218. Available at: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Zemtsov-2006.html> (in Russ.).